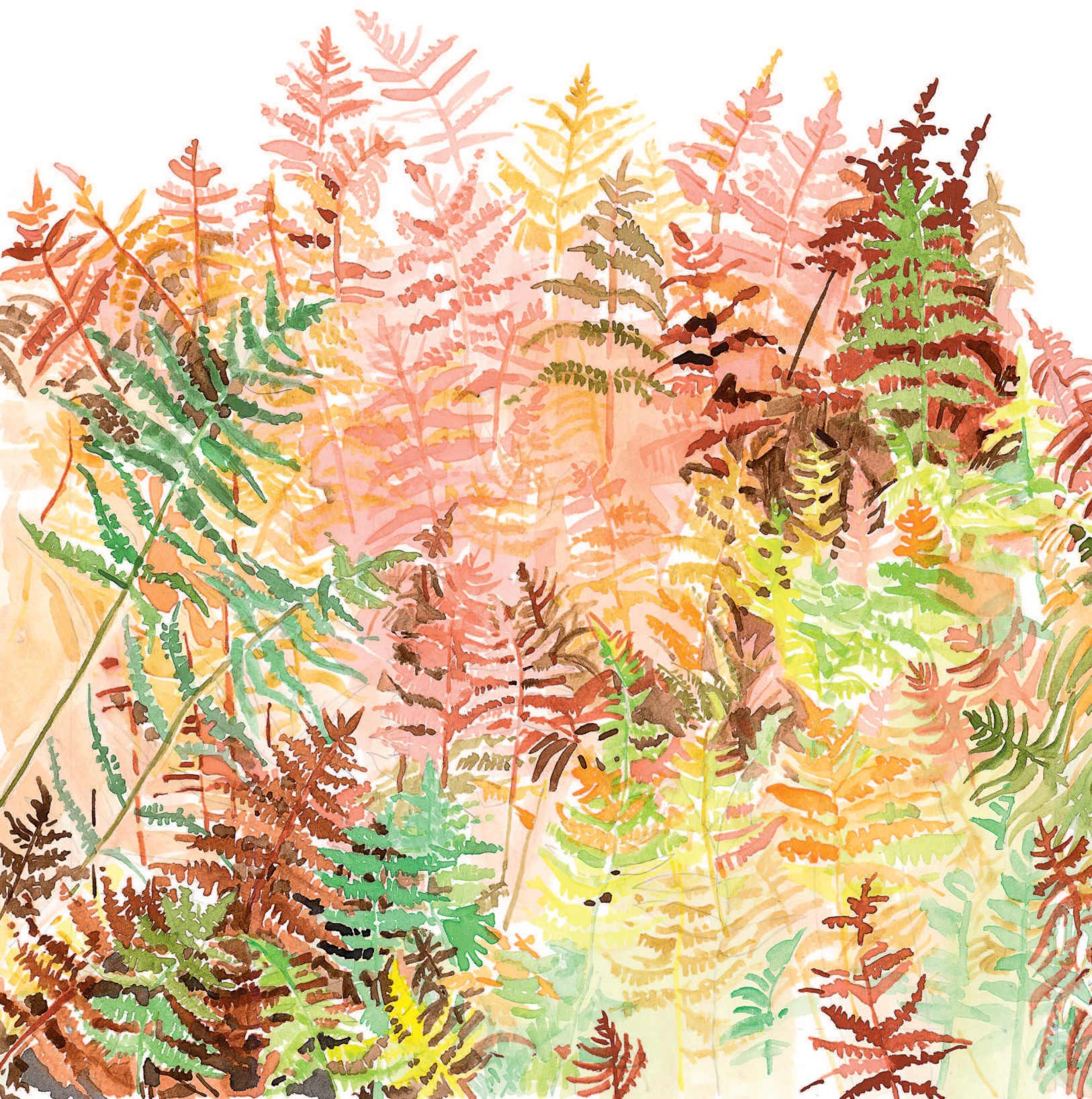




Рисунки И. Маковеевой



Феликс Зальтен

БЕМБИ



«МАСТРИЦА»





ПРЕДИСЛОВИЕ

«Бемби» — восхитительная книга. Она восхищает не только детей, но и людей, которые уже не имеют счастья быть детьми. Я не знаю, пожалуй, другого рассказа о животных, который, что касается чуткой наблюдательности и правдивости, мог бы поспорить с этой историей жизни оленёнка. Феликс Зальтен — поэт. Он угадывает сущность природы так глубоко и так любит животных. Вообще-то мне не нравится, когда устами бессловесных существ произносятся человеческие слова; но в том-то и есть самое замечательное в этой книге, что за сказанным угадываются настоящие чувства. Это — маленький шедевр, яркий, красочный, местами трогательный.

Я прочёл его в гранках по дороге из Парижа в Кале, перед тем как пересечь пролив Ла-Манш. Как только я заканчивал одну гранку, я передавал её своей жене, которая её прочитывала и передавала супруге моего племянника, а та читала и передавала моему племяннику. Так мы просидели три часа все четверо и в тихой погруженности читали. А кто знает, что значит переезд через пролив, поймёт, что немногие книги могут выдержать такое испытание. Особенно я хочу, чтобы эта книга дошла до сердец охотников.

Джон Голсуорси





Он появился на свет в маленьком, скрытом от глаз укрытии, в чаще леса. Это была совсем крохотная конура, где едва помещался он сам и его мать. И здесь он стоял, покачиваясь на тонких ножках, тупо уставясь в одну точку своими мутными глазёнками, которые ничего не видели, опустив голову и дрожа, и ничего не мог понять.

— Какое прелестное дитя! — воскликнула сорока.

Она прилетела сюда, когда услышала стоны матери. И теперь сидела на суку, поблизости.

— Какое прелестное дитя! — воскликнула она снова. Ей никто не ответил, но она продолжала: — Как странно, что оно сразу может стоять и ходить! Как интересно! Такого я ещё никогда не видела! Правда, я ещё очень молода, всего год как из гнезда. Но я нахожу, что оно прекрасно. Такое дитя... Только что появилось на свет, а уже может стоять на ногах. Я считаю, что это в высшей степени благородно. Я вообще считаю, что у вас, оленей, всё очень благородно. А бегать он уже умеет?..



— Конечно, — тихо ответила мать. — Но я должна извиниться, что не могу побеседовать с вами. Сейчас я очень занята, да и чувствую себя ещё слишком слабой.

— Не буду вам мешать, — ответила сорока. — У меня самой столько дел, столько дел... Но такое не часто увидишь. У нас, у сорок, дети, когда вылупятся из яйца, не могут даже шевелиться, они лежат в гнезде совершенно беспомощные и не могут летать. Это так тяжело — их кормить и охранять. Они так беспомощны. И так долго приходится ждать, пока они смогут двигаться и, наконец, оперяться.

— Простите, — сказала мать, — но я отвлеклась и всё пропустила мимо ушей.

Сорока улетела. «Глупая особа, — думала она, — благородная, но глупая».

Мать ни на что не обращала внимания. Она принялась усердно мыть новорождённого. Она мыла его языком, и это было всем сразу — и согревающим растиранием, и лаской.

Малыш слегка покачивался. Его розоватая и ещё растрёпанная шубка была в нежных белых пятнышках, его мордашка всё ещё выглядела заспанной.

Вокруг росли кусты орешника, высокие клёны, буки и дубы. Внизу, у самой земли стелились листочки уже поблёкших фиалок и земляники, которая только-только зацветала. Сквозь густую листву проникал свет солнца. Лес звенел от множества голосов. Голуби ворковали, зяблики свистели, пронзительный клёкот соколов раздавался над вершинами деревьев.



Малыш не различал ни одного из бесчисленных распевов, ни одного слова в этой многоголосице. Он тыкался губами в живот матери, искал, голодный, и нашёл источник жизни — и сразу успокоился.

Пока он пил, мать продолжала ласкать малыша. «Бемби», — прошептала она.

Каждое мгновение она поднимала голову и втягивала воздух. Потом она опять целовала детёныша, успокоенная и счастливая.

— Бемби, — повторяла она, — мой маленький Бемби.

Была пора раннего лета, и деревья тихо стояли под синим небом. Цвели кусты. Пахло свежей листвой, с утра до вечера гудели пчёлы, жужжали осы, шумели шмели в душистой тишине.

Это были дни раннего детства Бемби.

Он шёл позади своей матери по узкой тропинке, петлявшей среди кустарников. Как приятно было идти! Густая трава мягко щекотала ему бока. И повсюду были такие же дорожки, они разбегались по всему лесу. Мать знала их все и сразу находила место, где можно свободно пройти.

Бемби спрашивал. Он любил спрашивать свою мать. Больше всего ему нравилось задавать вопросы. Бемби ничуть не удивлялся, что ему постоянно приходили на ум вопросы. Его восхищало, что можно с любопытством ожидать ответа. Иногда он не понимал, о чём говорит мать, но это тоже было прекрасно, потому что он мог всегда переспросить, если хотелось. Иногда он ни о чём не расспрашивал, и это всё равно было прекрасно, потому что можно было поразмышлять самому. Иногда он чувствовал, что мать намеренно говорит ему не всё, что знает.

Сейчас он спросил:

— Кому принадлежит эта тропинка, мама?

Мать ответила:

— Нам.

Бемби переспросил: — Тебе и мне?

— Да.

— Нам двоим?


— Да.

— Только нам двоим?

— Нет, — ответила мать, — нам, оленям...

— А кто это — олени? — спросил Бемби и засмеялся.



A watercolor illustration of a forest scene. On the left, several tall, slender trees with light brown trunks stand against a white background. The ground is covered with various shades of green ferns and foliage. In the lower right corner, there are some blue flowers or berries on thin stems. The overall style is soft and artistic, typical of children's book illustrations.

Мать взглянула на него, и ей тоже стало смешно.

— Ты олень, и я олень. Оба мы олени. Ты понял?

Бемби высоко подпрыгнул.

— Да, я понял. Я маленький олень, а ты большой олень. Правда?

Мать кивнула.

Бемби снова стал серьёзным.

— А есть олени ещё... кроме нас?

— Конечно, — сказала мать. — Много.

— Но где же они? — удивился Бемби.

— Здесь, в лесу.

— Но... почему же их не видно?

— Ты их ещё увидишь.

— Когда? — Бемби остановился.

— Скоро. — Мать спокойно продолжала идти.

Бемби догнал её. Он молчал, потому что думал, что это значит — «скоро». Он пришёл к выводу, что «скоро» — это, конечно же, «не сейчас». Вдруг он спросил:

— А кто сделал эту тропинку?

— Мы, — ответила мать.

Бемби очень удивился:

— Мы? Ты и я?

Мать сказала:

— Мы... Мы — все олени.

Они уходили всё дальше и дальше в лес. Вдруг у самой земли что-то зашуршало. Пискнул и оборвался чей-то голосок. Хорёк поймал мышь.

— Что это? — взволнованно спросил Бемби.

— Ничего, — успокоила мать.

— Но... — Бемби задрожал, — но я же видел.

— Хорёк убил мышь, — сказала мать. — Не бойся.

Бемби страшно испугался. Великий ужас проник в его сердце. Он спросил:

— Зачем хорёк убил мышь?

— Потому что... — мать не находила ответа. — Пойдём скорее, — сказала она потом.





Они долго молчали. Наконец Бемби робко спросил:

— Мы тоже когда-нибудь убьём мышь?

— Нет, — сказала мать.

— Никогда? — спросил Бемби.

— Никогда.

— Почему? — с облегчением спросил Бемби.

— Потому что мы никого не убиваем.

Бемби снова повеселел.

Они поравнялись с молодым ясенем, когда сверху, из ветвей, раздался громкий крик. Мать шла не задерживаясь. Но Бемби с любопытством остановился. Две сойки ссорились там, наверху, из-за гнезда, которое они опустошили.

— Убирайтесь отсюда вон, негодяйка! — кричала одна.

— Не шумите так, дурочка! — отвечала другая. — Я вас ни-сколько не боюсь!

Первая бушевала:

— Ищите для себя гнёзда сами, воровка!.. Какая подлость! — выходила она из себя. — Какая подлость!..

Бемби отпрыгнул от ясеня, догнал мать и пошёл рядом с ней.

Через некоторое время он спросил:

— Мама... что это такое — подлость?